

нения и, во-вторых, наличие особых глагольных образований, одновременно сказуемых и склоняемых. Первое условие, повидимому, действительно обязательно, но при этом может оказаться, что агглютинативное склонение сопутствует флективному, второе же условие, по крайней мере теоретически, необязательно. Вспомним склонение артикля, сопутствующее флективному склонению в древнегреческом языке. Это склонение артикля сходно с препозитивной агглютинативной. Но в греческом языке любое предложение легко субстантивируется при помощи артикля. Легко себе представить, следовательно, и склонение такого предложения путем склонения его артикля. Специалистам в области греческого языка, вероятно, было бы полезно проверить, насколько такая возможность была действительно осуществлена в истории этого языка.

Скажем еще несколько слов о большой статье Н. А. Сыромятникова «Система фонем японского языка», которая производит весьма благоприятное впечатление. Эрудиция автора, его требовательность к себе и умение излагать делают его исследование не только интересным, но и доступным для любого лингвиста. Длительная дискуссия о фонеме на страницах журнала «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка» не должна пройти мимо этого исследования, достойного отдельного обстоятельного разбора.

В заключение необходимо остановиться на имеющихся недостатках в научно-техническом оформлении сборника: 1) многочисленные транскрипции и напивоальные орфографии ни в одной статье не объяснены. Для удобства читателей такие объяснения обязательны и должны помещаться в одном месте для всех статей; 2) текстовые примеры должны иметь русский перевод с нумерацией слов или лексических единиц, одинаковых с нумерацией в иноязычном тексте, или снабжаться подстрочным переводом в подлинном смысле этого слова; 3) обилие опечаток в простом и сложном наборе внушает недоверие к правильности примеров. Дирекция Института востоковедения необходимо принять действенные меры по подготовке технического персонала и повышению ответственности авторов за качество текстов.

В общем первый лингвистический сборник является удачным начинанием Института востоковедения АН СССР. В предисловии сообщается о подготовке сборника по китайскому языку; имеются сведения о подготовке лингвистического сборника японистами. Будем ждать от лингвистов Института новых исследований, которые будут свидетельствовать о плодотворной перестройке работы языковедов Института.

В. П. Старинин

Л: А. Булаховский. Введение в языкознание. Ч. II.— М., Учпедгиз, 1953. 179 стр.

Имя члена-корреспондента Академии наук СССР, действ. члена Украинской академии наук Л. А. Булаховского хорошо известно языковедам Советского Союза и не только одним русистам. В своих работах Л. А. Булаховский всегда умеет сказать нечто новое, оригинальное даже и по таким вопросам, которые как будто уже давно разрешены. Поэтому появления второй части учебника «Введение в языкознание»¹, автором которого был назван Л. А. Булаховский, все языковеды ждали, вполне естественно, с большим интересом. Нам представляется, однако, что книга Л. А. Булаховского не оправдала этих ожиданий.

Рецензируемая книга представляет собою учебник. Известно, что к учебнику предъявляется ряд совершенно определенных требований: он должен отличаться ясностью и простотой изложения, точностью формулировок, научностью; необходимо также, чтобы учебник был интересным, чтобы он мог заинтересовать учащихся, привить им любовь к предмету. Можно ли сказать, что книга Л. А. Булаховского удовлетворяет всем этим требованиям?

Несомненно, книга интересна во многих отношениях, изобилует чрезвычайно любопытными для «попящаемого в языкознание» примерами. Впрочем, преимущественная экземплификация из области славянских языков, значительно меньше изучаемых

¹ Замечание по адресу редакции издания: совершенно неправильно было озаглавливать книгу: Л. А. Булаховский, Введение в языкознание, ч. II, потому что это заставляет думать, что Л. А. Булаховский написал еще и первую часть, на самом деле, как известно, написанную проф. Чикобава. Книга последнего, впрочем, тоже была озаглавлена неверно: А. С. Чикобава, Введение в языкознание, ч. I, так что можно было предполагать, что проф. Чикобава написал и другие части. Книги следовало озаглавить: «Введение в языкознание», ч. I — автор А. С. Чикобава и ч. II — автор Л. А. Булаховский.

у нас, чем западноевропейские языки, делает книгу менее интересной для изучающих последние и может навести на мысль, что книга прежде всего рассчитана на учащихся-славистов. Конечно, автору как слависту ближе славянские языки, однако нам представляется, что в курсе «Введение в языковедение», по которому должны заниматься и слависты, и германисты, и романисты, и классики, и пранисты, и тюркисты и т. д. и т. д., примеры должны были бы более равномерно черпаться из языков разных групп (семей). Однако это не является самым большим недостатком рецензируемой книги. К сожалению, в ней помещается ряд других, более существенных.

Уже один только беглый просмотр оглавления может вызвать недоумение специалиста в связи со странным расположением материала и его группировкой. Книга состоит из четырех глав: I. «Семасиология», II. «Лексикология», III. «Лексикография», IV. «Этимология слов». Правда, если мы обратимся к предисловию проф. А. С. Чикобава к первой части «Введения в языковедение», то мы найдем в намеченном плане второй части те же разделы, но расположенные в ином и уже, конечно, более естественном порядке: I. «Лексикология», II. «Семасиология», III. «Этимология», IV. «Лексикография». Но можно ли сказать, что все эти разделы рассматривают равноценные части языковедения? Нам представляется, что нет². Прежде всего, семасиология, как она понимается в настоящее время, — не часть (отдел) языковедения, а часть лексикологии как учения о слове³. И даже тогда, когда к семасиологии сводилась фактически лексикология (потому что другие разделы учения о слове либо не исследовались, либо отводились к морфологии), она не составляла собственно строго отграниченной части (раздела) языковедения. Это была какая-то наука «сама по себе», которой языковеды занимались между прочим, причем писали свои работы, в основном, для неспециалистов⁴.

Семасиология представляет собою часть лексикологии как учения о слове, рассматриваемом вне его синтаксических связей с другими словами, т. е. вне предложения. Семасиология — это прежде всего учение о значении слов, потому что и словосочетания изучаются семасиологией со стороны их значения лишь как лексические единицы. Таким образом, неправильно семасиологию отрывать от лексикологии и выделять в особый раздел языковедения, и уже во всяком случае лексикология должна была бы предшествовать семасиологии.

Еще одно замечание. Нам кажется неудобным семасиологию называть и семантикой. Термин «семантика» употребляется сейчас в значении смысловой стороны слов, частей слов и т. д., и надо, чтобы он в таком смысле и употреблялся, а за термином «семасиология» было закреплено значение «учение о значении слов». То, что И. В. Сталин употребляет (в ответе тов. Е. Крашенинниковой) оба эти термина в смысле науки о значении слов, поскольку они действительно таким образом употребляются⁵, не является, конечно, основанием для того, чтобы мы их не различали в целях несомненного удобства.

Также едва ли правильно утверждать, что «этимология слов» составляет отдельную «научную дисциплину» (стр. 156): она никогда таковой и не была⁶; этимология — часть лексикологии, и отрывать ее от последней и от семасиологии нет решительно никаких оснований. То же обстоятельство, что Л. А. Булаховский отделяет этимологию от лексикологии разделом лексикографии, где он говорит и об этимологических словарях, вынуждает его дать определение этимологии в разделе лексикографии (стр. 156), а это уже совсем странно⁷.

Существенным недостатком книги является то, что разделы ее совершенно друг с другом не связаны, точно один раздел никакого отношения не имеет к другим, между тем как все разделы книги говорят об одном — о слове, исследуют его с разных сторон.

² Наши последующие критические замечания относятся, естественно, и к утвержденной программе по «Введению в языковедение», которой в своем расположении материала строго придерживается Л. А. Булаховский.

³ Следует отметить, что Л. А. Булаховский под лексикологией понимает не общее учение о слове, а только учение о составе и развитии лексики.

⁴ Мы имеем в виду такие работы, как А. Darmesteter, *La vie des mots étudiée dans leurs significations*, Paris, 1886 (есть ряд последующих изданий) и К. Лурор, *Das Leben der Wörter*, Leipzig, 1903.

⁵ Ср., между прочим, «Словарь иностранных слов», под ред. И. В. Лехина и Ф. Н. Петрова, 3-е изд., М., Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1949, стр. 584.

⁶ Если только под этим термином, как в старых школьных учебниках, не понималась просто морфология.

⁷ Следует, впрочем, отметить, что Л. А. Булаховский применяет термин «этимология» еще раньше — на стр. 26 — без всякого объяснения, забыв, видимо, что термин этот читателю его книги может быть совершенно неизвестен. На стр. 82 (§ 30) Л. А. Булаховский говорит о «этимологизации», коротко объясняя этот термин, но снова не касаясь этимологии.

И впечатления цельности в результате этого от книги нет, что недопустимо для учебника.

К недостаткам книги относятся и почти полное отсутствие определений. Понятия не определяются, а чаще описываются, что должно чрезвычайно затруднить студентам работу по книге. Так, говоря о «названии», Л. А. Булаховский приводит цитату из Л. Фейербаха (в § 2), которая, конечно, никак не может служить определением названия, все же дальше сказанное не раскрывает в достаточной степени это понятие. Любопытно, что Л. А. Булаховский вплотную при этом подходит к понятию «внутренней формы» и в сущности в нескольких параграфах (§§ 2, 3, 4) говорит о ней, но он ее здесь не называет, а о «внутренней форме» говорит лишь в § 49 «Утрата заимствованиями внутренней формы слова» (стр. 121), причем что такое «внутренняя форма» — читателю остается совершенно неизвестным; между тем не подлежит сомнению, что это понятие, различным образом толковавшееся языковедами, должно быть раскрыто в такой книге.

Не кажется нам удачным и подходящим для учебника и определение Л. А. Булаховским понятия значения слов как того содержания его, обнаруживаемого по отношению к действительности (разрядка наша. — Н. А.), «которое о своем реальном существовании заявляет наличием в основном одинакового понимания у того, кто произносит слово, и у того, кто его слышит» (стр. 13). Из этого определения можно сделать вывод, что слову свойственно не одно содержание.

Л. А. Булаховский целый параграф (§ 7) посвящает вопросу о слове и понятии, однако едва ли студенты много вынесут из объяснений, данных в этом параграфе, если они вообще их поймут, потому что они очень трудны. Возьмем для примера утверждение Л. А. Булаховского, что понятия «могут быть... ошибочными и даже всевозможными, если при помощи слов (словесных знаков) закрепляется выделение в качестве важных черт очень случайных (очевидно, „выделение — в качестве важных — черт...“ — Н. А.) и при этом не соответствующих природе вещей, как последние существуют независимо от человеческого сознания» (стр. 18). Не приходится говорить о том, что это положение не может быть понятным студенту и не только I курса. Даже и специалисту будет не вполне ясно, что Л. А. Булаховский имеет в виду. Так, например, в слове *стол* закреплено выделение — в качестве важной — той первоначальной черты стола или предмета, понятавшегося первоначально под словом *стол*, что его «стали»; эта черта не соответствует в настоящее время природе вещи, но от этого понятие *стол* не оказывается ни ошибочным, ни вздорным. Другой пример: в слове *трагедия* в свое время было закреплено выделение — в качестве важной — черты, несомненно соответствующей природе этого народного представления: трагедия — буквально «козлиная песнь» (греч. τρῳηδία от τρῳός «козел» и ᾠδή «песнь», поскольку трагедия у греков обозначала первоначально песни, исполнявшиеся при жертвоприношении козла в честь бога Диониса); но уже в греческом языке слово *трагедия* получило то значение, которое оно имеет в настоящее время, так что закрепленная в этом слове черта теперь не соответствует природе вещей, но и понятие *трагедия* не стало от этого ни ошибочным, ни вздорным — оно, несомненно, остается истинным. Может быть, Л. А. Булаховский возразил бы на это, что сказанное относится уже к этимологии слов, значение которых позже изменилось; но ведь не учитывая этимологии слова, о каком же закреплении в слове выделенных черт предмета можем мы говорить? Таких прозрачных слов, как *паровоз*, *пароход* и даже *тетрадь*, в котором заключено указание на четыре стороны (греч. τετταρες «четыре»), т. е. слов, в которых закреплены черты обозначаемых ими предметов, сохранившиеся в них до настоящего времени, слов не столько с живой, сколько, так сказать, с актуальной внутренней формой, во всяком языке немного.

С другой стороны, мы в любом языке знаем очень много слов, которые представляют собою закрепление «выделенных в качестве важных» чисто случайных черт. Например, *силуэт* — определенный вид рисунка — первоначально имя собственное: фамилия французского генерального финансового контролера Этьена Силуэта (Etienne Silhouette, ум. 1757)*. Он впервые познакомил своих соотечественников с силуэтами, которыми украсил свой замок. Совершенно очевидно, что это является не существенной, а наоборот, чисто случайной «чертой» слова *силуэт*. Как известно, *кашемир* назван так потому, что эта ткань напоминает материал кашмирских шалей, вырабатывавшихся в Кашмире (княжестве на юге Азии), что является, конечно, чисто случайным обстоятельством. Известно и множество других аналогичных слов в различных языках, но тем не менее обозначаемые ими понятия все не являются ошибочными.

Таким образом, данное Л. А. Булаховским определение ошибочных понятий не только неясно, но и неверно. Поэтому можно задать вопрос, отчего Л. А. Булаховский, если ему уж нужно было дать определение ошибочных понятий, не воспользовался тем их определением, которое можно найти в школьном учебнике логики С. Н. Виноградова и А. Ф. Кузьмина, а именно: «если же какое-либо понятие представляет собой не-

* Впрочем, связь слова *силуэт* с фамилией названного Этьена Силуэта толкуется и несколько иначе.

верное, искаженное отображение действительности, то такое понятие является ложным»⁹, причем — добавим мы от себя — совершенно не существенно, какое наименование дается этому понятию. Например, слово *ангел*, как известно, заимствовано из греческого языка (*ἄγγελος*) и обозначает «вестник»; в слове «закреплено выделение» черты, действительно присущей лицам, приносящим известия. Таким образом, греческое слово *ἄγγελος* само по себе не обозначает ложного понятия. Оно стало обозначать ложное понятие только тогда, когда под ним стали подразумевать «бесплотных духов», в каком-то значении оно проникло и в другие языки, потеряв и в новогреческом языке свое первоначальное значение.

Мы уже упоминали выше, что Л. А. Булаховский в ряде случаев не дает настоящего определения рассматриваемых им понятий. Не дается в книге в сущности и определения понятия *термин*. Конечно, недостаточно сказать о терминах, что они являются «точными (насколько это вообще возможно по свойствам человеческой речи), обработанными до прямой договоренности словам» (стр. 22).

Едва ли согласится какой-нибудь языковед-лексиколог с необычным и ничем не оправданным сужением понятия «фразеологические единицы». Согласно Л. А. Булаховскому, «это обычно разложимые в смысловом отношении словосочетания, но закрепившиеся в языке как материал ходовой цитации (пословицы, поговорки, удачные выражения писателей, ставшие «крылатыми»¹⁰ слова и т. п.) и потому получившие известную цельность» (стр. 34). Студентов и учителей средней школы, которые тоже будут пользоваться книгой, такое определение фразеологизмов повергнет в полное недоумение. Да и сам Л. А. Булаховский отстает от него, называя (на стр. 93) — и совершенно справедливо — фразеологизмами такие выражения, как французское *garder le lit* («оставаться в постели»), *épouser le parti de quelqu'un* («присоединиться к чему-нибудь мнению»). Но эти фразеологизмы ни с какой стороны не являются «материалом ходовой цитации»!

Нельзя признать удачным и определение в книге идиоматических словосочетаний. В качестве примеров на идиомы Л. А. Булаховский приводит словосочетания, аналогичные тем, которые он в другом месте называет фразеологизмами (см. стр. 93), например: *питать пристрастие*, *питать уважение*, *привлечь к ответственности*, франц. *diriger des poursuites contre...* и т. д. Таким образом, у читателя не получается ясного представления о том, чем идиомы отличаются от фразеологизмов.

В § 16 «Синонимы» упоминают, что глаголы «в основном служат сказуемым — открываемыми мыслью динамическими признаками, приводимыми в связь с предметами — подлежащими» (стр. 44). Этим самым Л. А. Булаховский предвосхищает определение сказуемого, которое должно быть дано в третьей части «Введения в языковедение», посвященной грамматике, хотя надо полагать, что автор третьей части акад. В. В. Виноградов даст несколько иное определение сказуемого.

§ 19 посвящен тавто и эвфемизмам. На стр. 51 дано определение эвфемизмов: это — «слова или выражения, заменяющие точные названия пугающих предметов или явлений и дающие возможность говорить о них без «опасности» вызвать стоящие за словом злые силы». Это явно слишком узкое определение эвфемизмов заставляет Л. А. Булаховского оговориться на стр. 52, что «явление эвфемизации, однако, значительно шире того, что относится к области одних суеверий», поскольку люди избегают называть некоторые предметы и действия также по соображениям приличия, вежливости и т. д. Отсюда следует, что вышеприведенное определение эвфемизмов неполно. Однако несомненно, что студенты, пользующиеся учебником, усвоят это неполное определение, а затем могут не обратить внимания на то, что дальнейшее изложение находится в несоответствии с этим определением. Следовательно, они составят себе неверное представление о том, что такое эвфемизм, а этого можно было бы вполне избежать, дав с самого начала точное, исчерпывающее определение этого понятия.

Рассматривая изменение значения слов, Л. А. Булаховский в § 24 говорит о переносе наименований по сходству признаков. Но, к удивлению, он не упоминает при этом, что в таком случае мы имеем дело с явлением, известным под наименованием «метафоры», что было бы не только естественно, но и необходимо. Лишь через две страницы он указывает на большую роль «переносного употребления слов и в первую очередь метафорического, основанного на ассоциациях по сходству» (стр. 61). Так как термин «метафорический» употреблен между прочим, то у читателя может не создаться впечатление, что весь параграф как раз и посвящен не чему-либо иному, как метафоре. Изменение значения и название по сходству функций Л. А. Булаховский выделяет в особый параграф — против этого ничего нельзя возразить, так всегда до сих пор делалось, — но, по нашему мнению, давно пора сблизить это явление с метафорой, ведь сходство функций можно вполне рассматривать как разновидность сходства (общности) признаков.

⁹ С. Н. Виноградов и А. Ф. Кузьмин, *Логика*, М., Учпедгиз, 1951, стр. 20.

¹⁰ Это понятие не разъяснено Л. А. Булаховским.

Перенесение наименований¹¹ по сближению эмоционального характера нам не кажется правильным рассматривать как особый случай, так как здесь мы имеем дело, в основном, либо с метонимией, либо с метафорой. Например, перенос значения сербского слова *замука* (родственного с *мука*) «заработок» или франц. *chétif* «хилый» из лат. *carlivus* «птенный» и чеш. *lichota* «лесть» при *lichy* «фальшивый», «ложный» совершенно очевидно представляет собой метонимию, а ласкательные слова *голубья*, *соколик* — метафору.

Кстати, говоря о «влиятельных» рядах чувствований, которые возникают вместе с понятиями, выражаемыми словами, для говорящего и слушающего (почему «для»?) — Н. А.), Л. А. Булаховский указывает, что «эти чувствования, при всем их разнообразии, не остаются изолированными в сознании людей, а в зависимости от своего характера группируются, сближаясь или отталкиваясь, причем соответствующие процессы совершаются в словесном акте, разумеется, не абстрактно, а в сильной зависимости от исторически сложившейся смысловой и эмоциональной нагрузки принадлежащих языку определенных слов» (стр. 62). Мы вынуждены, к стыду своему, признать, что весьма мало поняли из этих объяснений Л. А. Булаховского, а потому опасаемся, что и студенты, пользуясь учебником, немного вынесут из них для себя.

В § 28 «Расширение и сужение значения» Л. А. Булаховский пишет «Типичное расширение объема применения представляют собственные имена, делающиеся нарицательными *донжуан* „соблазнитель женщин“ и т. п.» (стр. 72). Расширение значения Л. А. Булаховский видит и в наименовании животных или растений собственными именами людей (там же). Это, конечно, явное неюридическое. Известно, что имени собственному не присуще никакое значение, а раз оно не имеет значения, то никаким образом невозможно расширить это несуществующее значение. Поэтому неправильно говорить о «расширении объема применения» в случаях, когда собственные имена применяются как нарицательные — в собственных именах нельзя говорить об объеме, потому что это не слова в том смысле, в каком говорил В. И. Ленин, указывая, что «вызывается только о *бц е е*»¹² (потому имена собственные легко заменяются номерами). В наименовании какого-нибудь человека *донжуаном* мы имеем дело с метафорой — мы его называем так потому, что он имеет общиe признаки с Дон-Жуаном и тот и другой — соблазнитель женщин, все остальные их свойства могут быть при этом совершенно различны. Почему происходит и наименование животных и растений собственными именами людей — сказать трудно. Может быть, в основе и здесь лежит метафора, а может быть, это происходит совершенно случайно (произвольно), хотя последнее представляется, как правило, менее вероятным. Во всяком случае, повторяем, ни о каком «расширении значения» здесь по возможности не может быть и речи.

Не во всех случаях можно говорить с примерами Л. А. Булаховского и на сужение значения. Так, например, если слово *струна* в старославянском языке обозначало и «волос», и «струн», тогда как в современном русском языке оно имеет только второе значение, то, конечно, мы здесь имеем дело не с сужением значения слова *струна* а с простой утерей им одного значения. Сужение значения мы имеем бы в том случае, если бы слово *струна* обозначало первоначально какое-нибудь более общее и широкое понятие, под которое подходили бы, между прочим, и «волос», и «струна». Потеря же словом одного значения из нескольких вовсе не обозначает сужения его значения. Неправильно говорить и о сужении значения слова *труд*, которое в древнерусском языке могло также обозначать и «средище, горе, болезнь». Названные значения первоначальноны у слова *труд*, значение же «работа», полученное им позже, вошло метонимически из этих значений, поскольку труд, тяжелая работа фактически были связаны для трудового народа со страданиями, горем и болезнями. Значение «часть» у слова *часть* — результат метафорического переноса значения, а тоже вовсе не сужение значения (стр. 74). Конечно, также не с сужением значения имеем мы дело в слове *голова* в смысле «начальника» или в слове *хвост* в значении «несданный экзамен» на языке студентов. Это вне всякого сомнения, метафоры. Как голова возвышается над туловищем, так городской голова или стрелковый голова возвышаются над своими подчиненными, как хвост волочится у животного (естественно, метафору дал не хвост зайца), так за студентом в течение ряда недель, а то и месяцев «тянется» несданный экзамен. Вообще о сужении или расширении значения мы можем говорить лишь в том случае, если более узкое понятие, на которое или с которого переносится наименование, входит в более широкое понятие, для которого служило или начинает служить это наименование, ср. приводимый Л. А. Булаховским на стр. 76 пример франц. *arriver* (лат. *ad-rip-are*), первоначально «прибывать к берегу» — понятие, естественно входящее в бо-

¹¹ Следует вообще отметить, что изменение значения в буквальном смысле слова (т. е. когда слово теряет свое первоначальное значение и приобретает новое) имеет место в языке сравнительно редко, гораздо чаще мы имеем дело с перенесением наименования с одного предмета (понятия) на другой, причем наименование (слово) сохраняет и свое первоначальное значение.

¹² В. И. Ленин, Философские тетради. Госполитиздат, 1947, стр. 258.

лее широкое понятие «подъезжать, приезжать вообще», для обозначения которого и стало служить это слово

В рассматриваемых Л. А. Булаховским на стр. 77 случаях употребления «отрицательных наименований как ласкательных», например, когда мать говорит шаловливому ребенку, резвость которого ей мила «Ах ты разбойник» или когда на вопрос «Кто это сочинил?» отец или мать отвечает «Моя дурочка», имея в виду похвалиться способностями своего ребенка, мы имеем, по его словам, «перелючение значения в его противоположность» Едва ли с этим можно согласиться, потому что названные слова, употребляемые в таких случаях метафорически (в качестве метафорической гиперболы), вовсе не получают в устах родителей «значений» похвалы, чего то положительного, т. е. здесь мы вовсе не имеем дело с изменением значения слова [напомним, что указанные случаи Л. А. Булаховский рассматривает в параграфе (§ 29), озаглавленном «Развитие противоположных значений (эпитимия)»] В приведенных Л. А. Булаховским примерах мы имеем несколько разных случаев *Разбойник* в первом случае — это гипербола к *шалун*, причем применяется она потому, что матери нравится шаловливость ребенка, но это обстоятельство не имеет прямого отношения к лексикологии. Во втором случае *дурочка* употребляется уничижительно, т. е. здесь мы опять имеем гиперболу, но уже другого рода здесь гиперболизруется воображаемый (мнимый) недостаток способностей у дочери, которая, как это, очевидно, считается, по своему развитию должна еще стоять ниже родителей, и в то же время выставляется ее способность что то «сочинять» Так что в общем получается «снижение паче гордости» Но это тоже не имеет прямого отношения к лексикологии. И в том и в другом случае гипербола имеет действительно ласкательный характер, создает определенный «интимный стиль», а потому стоит ближе к области стилистики (ср. сказанное об этом Л. А. Булаховским на стр. 13)

В главе «Лексикология» (стр. 84—136) Л. А. Булаховский, не давая определения этого раздела науки о языке и не очерчивая его границ, сразу начинает с вопроса об основном словарном фонде. Вопрос этот сложен и, как известно, в настоящее время еще весьма далек от своего разрешения. Поэтому задача ученого, пытающегося во введении в науку о языке дать своим читателям какое нибудь определение понятия основного словарного фонда, — не из легких. Следует отметить, что обычно во вводном курсе не рассматривают дискуссионных, не решенных научных вопросов, а если эти вопросы в нем и затрагивают, то лишь для того, чтобы отметить их дискуссионность. Но во введении в языковедение невозможно, конечно, обойти вопрос об основном словарном фонде и не дать хотя бы самого элементарного определения этого понятия. Л. А. Булаховский также пытается это сделать. Однако при этом он ограничивается почему то указанием на то, что следует понимать под основным словарным фондом в узком значении этого слова «слова, без которых не существуют языки вообще» и «которые мы встретим обязательно и в языках, обслуживающих самые высокие цивилизации, и в языках наиболее отсталых народов» (стр. 84), т. е. *иными словами, самые необходимые* — при всяких условиях — слова. В то же время он отмечает, что в основной словарный фонд с ростом культуры народа начинают входить и не обязательно необходимые слова (в узком значении понятия «основной словарный фонд»), но обязательно известные — слова общеупотребительные и общепонятные (стр. 85). Л. А. Булаховский не приводит никаких признаков, характерных черт слов основного словарного фонда, о которых неоднократно говорилось в помещенных в разных периодических изданиях работах. Правда, называвшиеся в этих работах признаки основного словарного фонда не очень убедительны, но и на основании сказанного Л. А. Булаховским студенты не смогут получить ясного представления об этом предмете.

Однако наиболее существенным недостатком объяснений Л. А. Булаховского является, с нашей точки зрения, то, что он не подчеркивает значение основного словарного фонда в создании устойчивости языка, не подчеркивает того, что язык, постоянно изменяясь в своем лексическом составе, продолжает оставаться тем же самым благодаря сохранению в нем определенного количества слов — однородного для ряда эпох, но меняющегося на протяжении более длительных периодов в развитии языка. Эти слова и представляют собой как раз основной словарный фонд языка.

В главе «Тексикология» Л. А. Булаховский снова касается вопроса об изменении значения слов (см. «Переносное употребление слов», § 33), о котором речь уже шла в первой главе, хотя, в основном, говорит здесь о метафоризации, приводя, впрочем, примеры и на другие случаи изменения значения, например *расчет* (мелькая армейская единица) (неточно! — *Н. А.*), *смена* (молодое поколение), где изменение значения произошло метонимически. Несомненно, изменение значения слов является одним из средств развития (обогащения) словарного состава языка, однако то обстоятельство, что о нем речь была уже выше, в главе «Семасиология», заставляет Л. А. Булаховского несколько повторяться, но, с другой стороны, в названном параграфе совершенно недостаточно показано, каким путем изменение значения слов способствует обогащению словарного состава. Для этого нельзя было бы не затронуть вновь вопрос об омонимии, который также рассматривается раньше.

§ 34 Л А Булаховский посвящает словообразованию, в § 36 касается очень интересного вопроса — словопроизводства в системе частей речи. Почему то Л А Булаховский не упоминает о том, что под словообразованием понимают все средства образования новых слов, а под словопроизводством только образование их с помощью аффиксов. Вызывает удивление, что упомянутые параграфы отделены друг от друга параграфом, где рассматривается эмоциональная лексика, поэтому § 35 оказывается явно не на месте.

Говоря в § 37 о собственных именах, вышедших из нарицательных, и нарицательных, вышедших из собственных, Л А Булаховский почему то не упоминает, что в словах *ватман, френч, галифе, батист* и т. д. мы имеем особые случаи истонимия, когда понятие получает наименование по случайному признаку. Это, конечно, не тот случай, который мы имеем при употреблении в качестве нарицательных — собственных имен, как *меценат, донкихот, донжуан* и т. д., но об этом различии надо было сказать. В этом же параграфе имя *Владимир* разъяснено как «владеи миром». Нам кажется, что не следовало бы приводить в учебнике спорную этимологию слова.

Едва ли можно согласиться с Л А Булаховским, когда он в § 38 относит к словам, придуманным отдельными лицами, слова *газ, лилипут* и слова *теократия, утопия* (и чешское *robot*). Если два первых слова действительно произвольно сочинены отдельными лицами так же как и не упомянутое Л А Булаховским слово *кодак*, то последние не сочинены, а образованы от существующих корней, подобно множеству других — технических терминов *телефон, телеграф, микрофон, граммофон* и т. д. Смещение этих совершенно различных случаев не может способствовать ясности и точности изложения.

Раздел «Заимствование слов» (стр. 110—130) представляется нам одним из самых удачных в книге. Вопрос рассмотрен достаточно полно, и приведено много интересных примеров, которые несомненно могут возбудить интерес учащихся к языковедению. Не совсем ясно, для чего Л А Булаховский выделил в особый параграф «проникновение аффективно окрашенных слов», поскольку пути их проникновения в язык не отличаются от таковых у других слов.

В главе «Лексикография» (стр. 137—159) достаточно полно и подробно описаны отдельные виды словарей. Нам только казалось бы, что описывать «одноязычные словари» удобнее было бы в другом порядке: толковые словари, отраслевые словари, словари идиом, фразеологические словари, исторические словари, этимологические словари, словари иностранных слов. Почему то в числе описанных словарей отсутствуют фонетические и орфографические словари.

В главу «Этимология слов» (стр. 160—174), которая, как было упомянуто выше, помещена не на месте, следовало бы, если бы она была на месте, внести несколько иное содержание, а именно: здесь следовало бы раскрыть содержание понятия внутренней формы слова, показать причины утраты словами внутренней формы, а отсюда перейти к «народной этимологии».

Мы уже отмечали некоторые неточные и не удачные формулировки Л А Булаховского, но, к сожалению, в книге можно найти и еще несколько таких формулировок. Так, на стр. 47 говорится: «Поскольку омонимия представляет собой стирание различительных примет между значениями слов, ее принципиально относят к отрицательным явлениям языка» и т. д. Очевидно, правильнее было бы сказать, что омонимия представляет собой стирание различительных примет между словами различного значения.

На стр. 48 Л А Булаховский говорит «в ряде орфографий не проявляется никакой серьезной заботы и избегает одинаковых написаний (омографов, омограмм) даже в случаях, где в живом произношении фактически нет омонимия благодаря различиям в фонемах, в месте ударения, в интонации. Для истории русского правописания характерны в этом отношении, например, упрощение бывшего различия *е* и *ь* или отказ обозначать место ударения у слов, которые иначе представляли бы омографы». Что имеет в виду здесь Л А Булаховский, без соответствующих примеров не может быть ясно студенту I курса, да и не только ему.

На стр. 102 указывается, что «подавляющее большинство слов составляют так называемые нарицательные — слова, обозначающие различного рода признаки частные или общие», причем, между прочим приводятся примеры *дом, день, лето, человек*, которые, как известно, не обозначают никаких признаков.

На стр. 132 допущена серьезная неточность. «Как в свое время отметил его (Энгеля — Н А) критик из социалистического лагеря Ф Меринг, — читаем мы здесь, — лишь только в поле внимания Энгеля попадают представители марксизма а, тон его «обличений» «неправильного» делается особенно «сердитым». Он, например, «обличает» блестящего тильта Ф Лассалья» и т. д. Как известно Фердинанд Лассаль никогда не был «представителем марксизма», и это не может не знать Л А Булаховский.

В книге есть ряд описок и опечаток. Так, на стр. 26 англ. *great-grandson, great-granddaughter* (с опечаткой *granddangther*) и *great-grand children* дословно переведены:

«большой великий вну» (должно быть «сын»), «большая великая внучка» (должно быть «дочь») и «большие великие внучата» (должно быть «дети») На стр 118— французское слово *matelot* отнесено к норманизмам Это ошибка, потому что слово это голландского происхождения (*maatgenoot* — собственно «однокашник») На стр 11 напечатано древнеалемански — должно быть древнеалемански, на стр 12 напечатано *Krahn* — должно быть *Kran* («журавль»), на стр 42 напечатано *profonde silence* — должно быть *profond silence*

*

К каким же выводам мы приходим рассмотрев новую работу Л. А. Булаховского? Несмотря на то, что в книге собрано довольно много интересного и поучительного, в общем ее нельзя признать удачной. В начале нашей рецензии мы упоминали о том, какие требования предъявляются к учебнику, и поставили перед собой задачу выяснить, в какой мере книга Л. А. Булаховского удовлетворяет этим требованиям. Неудобно признать, что она удовлетворяет им в очень малой степени. Прежде всего, изложение в книге, как мы на это указывали в своем месте, недостаточно систематично. Расположение в ней материала вызывает самые серьезные возражения. В ряде случаев в книге не дается точных определений разбираемых в ней понятий, а некоторые определения должны быть признаны совершенно неудачными. Далеко не во всех случаях можно согласиться также с толкованием рассматриваемых явлений. Нередко ясность изложения оставляет желать лучшего. Несомненно, что книга требует коренной переработки.

И. М. Александров

Л. А. Булаховский. Введение в языковедение. Ч. II — М., Учпедгиз, 1953. 179 стр.

Недавно в Учпедгизе вышел в свет второй выпуск учебника «Введение в языковедение», написанный одним из виднейших исследователей в области русского литературного языка и славистики, членом корреспондентом Академии наук СССР, проф. Л. А. Булаховским.

Нечего и говорить о том, что новый учебник, в частности вторая его часть, по методологическим установкам, по систематичности, глубине анализа, по филологической широте не идет ни в какое сравнение с лингвистическими пособиями, которыми располагали наши студенты прежде — в период господства марризма и «аракечевского режима» в языковедении. Многие языковые проблемы, в прежних учебниках лишь поверхностно намеченные и неверно решенные, получили в этой книге углубленное, подлинно научное истолкование.

Задачей настоящей рецензии не является полная и всесторонняя оценка книги проф. Л. А. Булаховского. Мы не будем характеризовать ее больших и неоспоримых достоинств, а остановимся только на недостатках и пробелах учебника. Прежде всего — о некоторых общих недостатках книги в целом.

1. Работа проф. Булаховского является второй частью учебника «Введение в языковедение», но читатель не видит никакой преемственности между первой и второй частями. Нигде автор не ссылается на своего предшественника, не отсылает читателя к первой части, тогда как это было бы вполне естественно сделать, например, в §§ 2, 3, 6, 7, 20, 69, 70 и др.

2. Теоретические положения в рецензируемой книге в значительной части представлены как бесспорные. Автор учебника нигде не фиксирует внимания читателя на том, в какой стадии находятся исследования в той или иной области науки о языке, какие вопросы являются спорными и нерешенными, какие различные точки зрения высказаны по тем или иным вопросам. Прочитав книгу проф. Булаховского, студент подумает, что все в языковедении уже окончательно решено и что делать исследователю в этой области больше нечего.

3. Весьма странным и немотивированным представляется тот факт, что автор учебника дает библиографию лишь к двум главам — к «Лексикографии» и «Этимологии слов». Две другие — «Семасиология» и «Лексикология», наиболее значительные и по объему, и по теоретическому интересу, библиографическим списком не сопровождаются.

4. В некоторых параграфах учебника неприятное впечатление производит избыток цитат. Так, на страницах 7, 8, 9 и почти нет авторского текста (всего 28 строк (это на целых 3 страницы!). То же относится и к ряду других параграфов учебника. Такое соотношение авторской речи и цитатного материала вообще недопустимо, а для учебного пособия — в особенности.